

УДК 811.161.1

UDC 811.161.1

СУБЪЕКТИВАЦИЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЖЕНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

THE NARRATIVE SUBJECTIFICATION IN LITERARY WORKS BY CONTEMPORARY RUSSIAN WOMEN WRITERS

Ли Ли,

заместитель директора института
иностранных языков Северо-Западного
педагогического университета (КНР)

Li Li,

Deputy Director of the Institute
of Foreign Languages of Northwest
Normal University (China)

Поступила в редакцию 16.04.2025.

Received on 16.04.2025.

В статье проводится анализ субъективации повествования в современной русской женской прозе, позволяющий выявить особенности дискурса и рассмотреть описательные методы с точки зрения ракурса повествования, содержания повествования, охарактеризовать внутреннее содержание литературных произведений, осознать и проанализировать стиль авторов, показать модели композиции.

Ключевые слова: современная русская женская проза, субъективация повествования, точки зрения повествования, композиция произведения.

This article attempts to classify and discuss the new changes in narrative subjectification in contemporary Russian women's literary works, and then makes a relatively comprehensive sorting and analysis of the reasons for the emergence of new methods, and summarizes the role of narrative subjectification in contemporary women's literary works of Russia.

Keywords: literary works of contemporary Russian women writers, narrative subjectification, narrative perspectives, discourse construction, discourse meaning.

Субъективация повествования – неотъемлемое средство построения текста, которое выполняет важную роль в усилении выразительности характеров персонажей и отражении их точек зрения. По мнению К. В. Клименко: «Субъективация отражает динамические отношения между автором, рассказчиком и персонажами» [1, с. 82].

Корни изучения проблемы субъективации повествования восходят к чешскому лингвисту К. Кожевниковой (1960-е гг.) [2, с. 116–117] и В. В. Виноградову (1970-е гг.) [3], которые указали на необходимость субъективизированного повествования для структуры любого художественного текста.

Реализация субъективации повествования требует использования определенных речевых и конструктивных средств. В. В. Одинцов делит формы субъективации повествования на речевые и конструктивные [4, с. 187]. А. И. Горшков переименовал «речевую форму и конструктивную форму» в «словесные приемы и композиционные приемы». Вслед за В. В. Одинцовым он делит словесные приемы субъективации повествования на три типа (прямую речь, несобственно-прямую речь и внутреннюю речь), а композиционные, в свою очередь, на приемы представления, образительные приемы и монтажные приемы [5, с. 210]. А. И. Горшков уточнил систему средств построения субъективации, изучил взаимосвязь словесных и композиционных средств, отметил, что «словесные приемы существенны для композиции произведения, а композиционные неизбежно имеют словесное выражение» [5, с. 210]. Г. Д. Ахметова утверждает, что субъективации повествования может осуществляться не только словесными и композиционными средствами, но и в виде графического маркирования [6].

Таким образом, суть субъективации повествования заключается в выявлении взаимосвязи между автором, рассказчиками и персонажами, а также в раскрытии подтекста литературного произведения путем анализа изменения точки зрения в повествовании и смены повествовательного дискурса.

В современной русской женской литературе сохраняются традиционные средства субъективации повествования, но с изменением техники повествования и точек зрения в литературном повествовании появляются новые типы приемов: невыделенная прямая речь, линейный диалог, свернутый диалог, графические средства, слияние словесных и композиционных приемов и др.

1. Невыделенная прямая речь, как правило, характеризуются отсутствием кавычек и двоеточий, это явление модификации приемов субъективации.

В книге Т. Н. Толстой «Невидимая дева» [7, с. 159–160] автор использует повествование с разных ракурсов. Это не прямая речь с двоеточиями и кавычками, а невыделенная прямая речь с отсутствующими кавычками и двоеточиями. Есть варианты невыделенной прямой речи без кавычек, только с двоеточием. Например: «Петюня смущался, морщил мышинное личико: да что вы, ребята, дай бог институт кончить! Римма смеялась: какие планы, ее саму ждет такое!». Субъект этих речей не определен, в них смешаны повествование автора и персонажа. Несмотря на то что главными персонажами этого рассказа являются Римма и Светлана, автор с помощью невыделенной прямой речи предоставляет читателю больше информации.

2. В линейном диалоге отсутствуют двоеточия и кавычки, реплики отделяются тире, а в кон-

це высказывания нет ограничительных символов, таких как точка, восклицательный или вопросительный знаки. Линейный диалог – это структурированный, непрерывный диалог, в котором участники связаны друг с другом. В линейном диалоге участники кажутся выбранными и выражают свои мысли и чувства прерывисто. Преимущество линейного диалога заключается в лаконичной форме в процессе повествования.

В отрывке из книги Т. Н. Толстой «Невидимая дева», фрагменте из рассказа Т. Н. Толстой «Поэт и муза» имплицитно представлен внутренний диалог, не выделенный двоеточиями и кавычками, с тире, разделяющими части текста, и без ограничительных символов в конце дискурса (точек, вопросительных и восклицательных знаков). Это образец типичного линейного диалога [7, с. 338]. Например: «– Не стоит о них говорить» и «К тридцати пяти годам после длительного периода невеселых проб и ошибок» – новый тип диалога, который связан тире и в котором не используются двоеточия и кавычки. В этом абзаце рассказчик чередуется с персонажем: «после длительного периода невеселых проб и ошибок» главного героя, вдруг вставляет фразу «Не стоит о них говорить», которую можно воспринимать либо как слова персонажа, либо как комментарий рассказчика. В этом случае мысли и чувства персонажа или рассказчика совпадают.

3. Свернутый диалог – это диалог, в котором задает и отвечает на вопрос один и тот же человек. В большинстве случаев свернутый диалог представлен в режиме «вопрос-ответ», в котором вопрос задается, чтобы показать эмоциональное намерение персонажей, а ответ является объясняющим, успокаивающим, направляющим, рациональным и логичным. Свернутый диалог персонажей полон мудрых мыслей и рациональных признаний, что, в свою очередь, представляет собой диалог между персонажами и читателями.

Во фрагменте из произведения В. С. Токаревой «Птица счастья» автор использует свернутый диалог, где герой повествования отвечает на вопросы, которые сам себе задает. Чтобы более наглядно показать суть диалога, автор разбивает его на части:

«А: Но ПОЧЕМУ?»

Б: Потому что она в самом начале заложила в свой компьютер ошибку. Использовала Гюнтера как колеса, практически обманула.

А: А что может родиться из лжи?

Б: Другая ложь. И так без конца.

А: Что же делать?

Б: Стереть старую программу и заложить в нее новые исходные данные: любовь, благородство, самопожертвование...

А: Но для кого? Кого любить? Для кого жертвовать?» [8, с. 47].

В этом свернутом самодialogе перед читателем предстают два образа Нади: А – реальная Надя и Б – раскаивающаяся, внутренне стремящаяся к самосовершенствованию Надя. Этот самодialog состоит из нескольких риторических вопросов. В диалоге голос рассказчика и голос персонажа полностью смешиваются, читатель не слышит голоса рассказчика, а субъективные эмоции персонажа выражаются через его само-вопросы и самоответы. Объективное авторское повествование тонко смещает точку зрения в повествовании.

4. Слияние словесных и композиционных приемов стало неизбежной частью художественных повествований, причем слияние этих средств носит случайный и непостоянный характер, который проявляется в зависимости от различных интенций автора. В современной русской женской литературе все чаще используется слияние словесных и композиционных приемов.

Во фрагменте из произведения В. С. Токаревой «Сказать не сказать...» автор использует слияние словесных и композиционных приемов, благодаря чему одновременно работают несколько средств субъективации [9, с. 301–302]. В абзаце используется прием представление – композиционный прием, употреблены вводные слова с эмоциональной окраской *может, конечно, идиоматические выражения вот тут бы, так нет, да еще* и др. В то же время автор использует словесный прием (несобственно-прямую речь), употребляет лексику с разговорной окраской *выходили, липнуть, отбили*. Наряду с этим используется идиома «Никто заборы дегтем не мажет». Взаимное слияние средств субъективации в этом фрагменте показывает внутренние конфликт и терзания главной героини Артамоновой, сетующей на несправедливость судьбы. Слияние словесных и композиционных приемов приводит к тому, что голос повествователя здесь ослабевает, а голос персонажа Артамоновой усиливается.

5. В некоторых особых случаях субъективация повествования достигается с помощью графических средств. В языковой структуре текста есть графические выделения: некоторые языковые фрагменты выполнены в виде специальных шрифтов – прописных, полужирных, курсивных и т. д., или специальных знаков – звездочек, скобок и т. д. «При этом наблюдается усложнение графической организации современного художественного текста, которое связано с усилением визуализации в современной культуре за счет изменения функций знаков препинания, расширения возможностей их варьирования» [10, с. 50]. Графические средства маркировки обладают не только функцией образности и выразительности, но и функцией изменения точек зрения в повествовании, изменения повествовательного дискурса, придания

авторскому объективному повествованию субъективного характера.

Например, в отрывке из рассказа В. С. Токаревой «А из нашего окна...»: «Принцип Тишкина-режиссера состоял в том, чтобы ИНТЕРЕСНО рассказать ИНТЕРЕСНУЮ историю. У него именно так и получилось. Монтажницы и звукооператоры смотрели, затаив дыхание. Фильм затягивал, держал и не отпускал» [9, с. 22]. Повествователь непрерывно рассказывает читателю о жизни главного героя Тишкина. Однако автор сознательно изменил форму графических символов в тексте при их печати и оформлении: выделил жирным шрифтом и использовал заглавные буквы. И именно эта графическая конфигурация имеет иронический эффект и не является обычной игрой слов. Одномерность текста и многомерность существования мира создает противоречие между автором и персонажем.

Укажем некоторые причины изменения средств субъективации повествования. Это прежде всего изменения в повествовательной стратегии.

В XX в. очевидным изменением в нарративе русской литературы стал переход от объективного повествования к субъективному, что придавало субъективации повествования особое значение. При описании речевых разновидностей повествования в литературе второй половины 1950–1960-х гг. Н. А. Кожевникова указывает, что «в литературе становятся влиятельными и активными разные формы субъективации повествования» [2, с. 153]. Под влиянием этой тенденции современная русская женская литература претерпела соответствующие изменения в средствах и приемах повествования. Женщины-писательницы создают «персонализированные» и «обезличенные» стратегии женского повествования.

Необходимо указать на трансформации в области русской литературы и влияние на нее различных факторов. После распада Советского Союза в России произошли глубокие изменения во многих сферах – политике, экономике и культуре, и русская литература пережила бурный переходный период. За эти десятилетия русская литература испытала на себе влияние самых разных доктрин, направлений и жанров, для нее характерны плюрализм, разнообразие и изменчивость. «Подъем женской литературы – это тоже ландшафт современной русской литературы» [2]. Современная русская женская литература перешла от бессознательного к сознательному, от периферии к центру, и сформировалась тенденция женской литературы с ярко выраженными гендерными различиями.

Скорость языковых изменений зависит от скорости социальных и культурных изменений в определенный период времени. Новая политическая и экономическая ситуация неизбежно влечет за собой изменения в языке. С этой точки зрения, стремительные резкие изменения в россий-

ском обществе лежат в основе изменений в современном русском языке. Речевая мода в русском языке является конкретным проявлением этого культурного «климата» и культурной психологии в использовании языка. «Факторами, которые привели к появлению новой речевой моды, несомненно, стали либерализация общественной и культурной жизни и волна либерализации в социокультурной сфере» [11, с. 8]. Изменения в субъективации повествования в современной русской литературе также вполне совместимы с вышеупомянутыми процессами.

Необходимо остановиться на функциях субъективации повествования в современной русской женской литературе. Это прежде всего отражение авторского сознания.

В современных произведениях русской женской литературы авторы используют субъективацию повествования, которая позволяет полнее и тщательнее реализовать авторскую точку зрения, и сделать авторское повествование – более реальным, естественным и объективным. «Растворяясь в образах персонажей, проникая в сферы сознания своих героев, автор раскрывает не только их мир, взгляды на жизнь и отношение к тем или иным происходящим в повести событиям, но и, используя динамику разнообразных словесных рядов, создает цельную, подчиненную своей авторской идее и организованную самим автором речевую стихию чувств и переживаний персонажей» [12]. Авторское сознание реализуется через постоянную смену точек зрения повествователя и персонажей.

Использование субъективации повествования способствует формированию образа персонажа. По мнению В. В. Одинцова, разработка форм субъективации авторского повествования создавала возможности для адекватной передачи внутреннего мира человека в его неповторимом многообразии, в сложности и противоречивости эмоциональных переходов и поворотов, в текучей изменчивости чувств и состояний [4, с. 206].

В современной русской женской литературе писательницы используют приемы субъективации повествования, позволяющие выстроить диалог между автором, произведением и читателем. Диалог содержит в себе сложные отношения, это может быть и диалог главного героя с автором, и диалог между мыслями героев произведения, и диалог между автором (героями) и читателем, и «контрапункт» сюжетной структуры и структуры отношений между персонажами. Использование средств субъективации повествования – яркое проявление диалектического мышления.

В литературном творчестве субъективация повествования также является одним из способов достижения «отстранения». Субъективация повествования – это процесс смещения и изменения точек зрения в повествовании, перемещения между точками зрения автора (повествователя) и персонажей, описание изменений в мире

разными глазами, разными голосами, разными чувствами, разными восприятиями.

Таким образом, включение субъективации повествования в процесс повествования может создать литературные произведения с уникальными повествовательными ракурсами, новыми языковыми стилями и богатой индивидуальностью. Как одно из средств литературного творчества, субъективация повествования может отразить творческий замысел автора, сформировать характеры героев, сделать произведение оригинальным и создать эффект остранения,

тем самым стимулировать интерес читателей к чтению. В силу особенностей современной русской женской литературы субъективация повествования в произведениях отличается разнообразием форм и содержания, а использование средств субъективации повествования, с одной стороны, создает диалог между произведениями и читателями, а с другой – дискурс представляет сложность и богатство нарративов; в то же время субъективация повествования повышает интерес читателей к чтению и составляет внутреннюю динамику повествования.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Клименко, К. В. Субъективация повествования рассказчика в автобиографической прозе Ю. М. Нагибина / К. В. Клименко // Филологические науки. – 2011. – № 3. – С. 72–83.
2. Кожевникова, Н. А. Речевые разновидности повествования в русской советской прозе: дис. ... канд. филол. наук. / Кожевникова Наталья Алексеевна. – М., 1973. – 153 с.
3. Виноградов, В. В. О теории художественной речи : учеб. пособие для студ. филол. специальностей ун-тов и педагогических институтов. / В. В. Виноградов. – М. : Высшая школа. 1971. – 238 с.
4. Одинцов, В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – Изд. 2-е, стереотипное. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 261 с.
5. Горшков, А. И. Русская стилистика. Стилистика текста и функциональная стилистика : учебник для пед. ун-тов и гуманитарных вузов / А. И. Горшков. – М. : АСТ Астрель. 2006. – 367 с.
6. Ахметова, Г. Д. Языковая композиция художественного текста: На материале русской прозы 80–90-х годов XX в.: дис. ... д-ра филол. наук / Ахметова Галия Дуфаровна. – М., 2003. – 450 с.
7. Толстая, Т. Н. Невидимая дева / Т. Н. Толстая. – М. : АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. – 471 с.
8. Токарева, В. С. Птица счастья: Повести / В. С. Токарева. – М. : ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС». 2005. – 349 с.
9. Токарева, В. С. Назло : сборник / В. С. Токарева. – М. : АСТ: Астрель, 2012. – 318 с.
10. Рабданова, Л. Р. Субъективированное повествование как компонент языковой композиции текста / Л. Р. Рабданова // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Серия: Филология, история, востоковедение. – 2012. – С. 50.
11. 刘文飞. 俄国文学大花园 [M] .武汉 : 湖北教育出版社 , 2007. 264.
12. Ван, Янчжэн. Социальные изменения и изменение русского языка [M]. Харбин: Хэйлунцзянское народное издательство, 2008. 8. 王仰正. 社会变迁与俄语语言的变化 [M] .哈尔滨 : 黑龙江人民出版社 , 2008. 8.

REFERENCES

1. Klimenko, K. V. Sub"ektivaciya povestvovaniya rasskazchika v avtobiograficheskoj proze Yu. M. Nagibina / K. V. Klimenko // Filologicheskie nauki. – 2011. – № 3. – S. 72–83.
2. Kozhevnikova, N. A. Rechevye raznovidnosti povestvovaniya v russkoj sovetsoj proze: dis. ... kand. filol. nauk. / Kozhevnikova Natal'ya Alekseevna. – M., 1973. – 153 s.
3. Vinogradov, V. V. O teorii hudozhestvennoj rechi : ucheb. posobie dlya stud. filol. special'nostej un-tov i pedagog. institutov. / V. V. Vinogradov. – M. : Vysshaya shkola. 1971. – 238 s.
4. Odincov, V. V. Stilistika teksta / V. V. Odincov. – Izd. 2-e, stereotipnoe. – M. : Editorial URSS, 2004. – 261 s.
5. Gorshkov, A. I. Russkaya stilistika. Stilistika teksta i funkcional'naya stilistika : uchebnik dlya ped. un-tov i gumanitarnyh vuzov / A. I. Gorshkov. – M. : AST Astrel'. 2006. – 367 s.
6. Ahmetova, G. D. Yazykovaya kompoziciya hudozhestvennogo teksta: Na materiale russkoj prozy 80–90-h godov XX v.: dis. ... d-ra filol. nauk / Ahmetova Galiya Dufarovna. – M., 2003. – 450 s.
7. Tolstaya, T. N. Nevidimaya deva / T. N. Tolstaya. – M. : AST: Redakciya Eleny Shubinoj, 2015. – 471 s.
8. Tokareva, V. S. Ptica schast'ya: Povesti / V. S. Tokareva. – M. : ООО «Izdatel'stvo AST»: ОАО «LYuKS». 2005. – 349 s.
9. Tokareva, V. S. Nazlo : sbornik / V. S. Tokareva. – M. : AST: Astrel', 2012. – 318 s.
10. Rabdanova, L. R. Sub"ektivirovannoe povestvovanie kak komponent yazykovoj kompozicii teksta / L. R. Rabdanova // Uchenye zapiski Zabajkal'skogo gosudarstvennogo gumanitarno-pedagogicheskogo universiteta im. N. G. Chernyshevskogo. Seriya: Filologiya, istoriya, vostokovedenie. – 2012. – S. 50.
11. 刘文飞. 俄国文学大花园 [M] .武汉 : 湖北教育出版社 , 2007. 264.
12. Van, Yanchzhen. Social'nye izmeneniya i izmenenie russkogo yazyka [M]. Harbin: Hejlunczyanskoe narodnoe izdatel'stvo, 2008. 8. 王仰正. 社会变迁与俄语语言的变化 [M] .哈尔滨 : 黑龙江人民出版社 , 2008. 8.